

Отдел газетных вырезок

Мосгорсправка НКС

Улица Кирова, 26-6

Тел. 96-69

Вырезка из газеты

Кино-газета

Москва

14

29 ИЮН 1936

Газета №

В лучах прожекторов

346
Я очень счастлива, что мне два раза пришлось снимать Алексея Максимовича: на Белорусско-Балтийском вокзале, когда Горький провожал Ромэн Ромлана, и на первом всесоюзном съезде писателей.

На съезде писателей мы работали бригадой — гг. Самгин, Ошурков, Тендухин и я. Нужно было заснять выступление Алексея Максимовича. Это было сложное дело. Нам необходимо было включить громоздкую осветительную аппаратуру, крайне неудобную и мешающую оратору. К тому же мы знали, что скромный Алексей Максимович не любил особой торжественности съездов и т. п., тем более, что на съезде он был чрезвычайно занят и поглощен большими делами.

Мы решили пуститься на маленькую хитрость: еще до выступления Горького включили осветительную аппаратуру, хотя это совсем и не требовалось. Было включено десять дуговых прожекторов и два маленьких полуваттных софита. Только эти софиты нам и были нужны. Увидя наши приготовления, Алексей Максимович, из президиума, замахал нам рукой, дескать — уберите все это.

Выходя на трибуну, он первым делом вспомнил о нас и велел выключить свет. Мы немедленно исполнили его требование и выключили осветительные прожектора. Два маленьких софита остались, — по сравнению с прожекторами они были совсем не заметны. Съёмка была проведена удачно...

РЕЙЗМАН.

★

В апреле 1931 года я снимал на станции Негорелое приезд Алексея

из воспоминаний ОПЕРАТОРОВ СОЮЗКИНОФОНКИ

★

Максимовича из-за границы. Его встречали писатели Серафимович и Мате Залка. Я была очень обрадована, когда мне удалось очень удачно заснять прекрасный план: Горький, только что выйдя из вагона, долго и горячо жемурится с Серафимовичем. Оба старика до слез растроганы встречей...

Как всегда, Алексей Максимович был трогательно ласков с нами, операторами кинохроники, но как всегда — он упорно не хотел сниматься. Нам же необходимо было заснять его синхронно, записать на пленку его речь. Горький долго отнекивался и даже скрывался в глубине вагона.

Тогда мы установили аппаратуру под окном вагона, а после этого, воспользовавшись тем, что к окну собрались пограничники и дети, стали звать Алексея Максимовича уже не для съёмки, а под предлогом беседы с пограничниками. Он немедленно появился в окне.

— Я ведь не оратор... — отмахивался он от нас. — Уж если вам обязательно надо меня заснять, так снимайте вместе с товарищами пограничниками.

НЕБЫЛИЦКИЙ.

★

Незабываем день, когда я снимал Алексея Максимовича в Горках под Москвой за чтением письма к антивоенному конгрессу. Его фигура казалась тогда особенно мощной и грозной. Его голос гремел...

По окончании съёмки он долго смотрел на операторов, на наши хлопоты и даже прослезился. Отвернувшись от нас, он смущенно говорил сам с собой:

— Вот, не живи так долго... Видишь, какие почести, сколько народу приехало тебя снимать...

Алексей Максимович был в этот раз особенно ласков с нами. Он охотно согласился сниматься со своими внуками и надо было видеть сколько любви таилось в его взгляде, обращенном к детям, как ласково топорщились и цекотали их головки его прямые, жесткие усы...

БЕЛЯКОВ.

★

Я ошибся, я растерялся, когда впервые увидел Максима Горького в окне вагона на вокзале в 1928 году, где должен был его снимать. Он почему-то представлялся мне уже совсем старичком. И вдруг я вижу высокую мощную фигуру, бодрого и энергичного человека...

Он бодро шагал по перрону, заражая всех своей живостью и жизнеисполненностью. В каждом его движении чувствовалось, как он рад своему приезду в Союз Советов.

Вторично я снимал его в клубе связи, на собрании работников. Горький говорил о том, что дала советская власть трудящейся женщине.

Он был так увлечен и захвачен этой прекрасной темой, ему так хотелось вложить в душу каждой слушательницы опущенные величия пролетарских побед, он так проникновенно говорил, что его слушали, буквально затаив дыхание.

ГЛИДЕР.